

Евгений Николаенко.
"Плавающий вектор".
"Друк", 2003 год.

В нашем альманахе был напечатан рассказ Е. Николаенко "Митяшины голуби", которым сейчас в книге открывается раздел рассказов. Для кого-то главным в этом томе будет детективный роман "Плавающий вектор", давший название всей книге. Когда-то редактор газеты "Юг" Юлий Мазур, которому Е. Николаенко посвятил книгу, написал, прочитав первую часть романа: "Евгений Николаенко — человек разносторонне одаренный. Хозяйственник, предприниматель,

он, тем не менее, всю жизнь общается с художниками, писателями, журналистами. ...какая-то непреодолимая сила заставила его приняться за остросюжетный роман, в который он, человек бывалый, битый, вложил знание многих сторон, в том числе и теневых, нашей грешной жизни". Сейчас роман завершен. И, думаю, он, как и рассказы Е. Николаенко, найдет в нашем городе своего читателя.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

А'котлета от а'бабушки

Произнесите заголовок этих заметок вслух и, согласитесь, вы сразу же окажетесь в своем одесском детстве. Пора в школу — и бабушка заворачивает в вощеную бумагу душистую, пышную котлету, только что зажаренную на чистом коровьем масле с Привоза на примусе, ревущем в коммунальной кухне... А теперь (опять "А") уберите эту гласную, и воспоминания окажутся хотя и вкусными, но такими же, как у москвича, минчанина, таллинца, впрочем, это нынче — иностранцы...

Вспомним, что на просторах СССР был еще один город, тоже портовый, тоже на Черном море, где ели "а'котлеты", но больше — "а'шашлыки",

"а'хачапури", запивая их "а'вином", вот оно-то было в Батуми не хуже нашего, а "а'кофе — по-турецки" лучше. Жители солнечной Аджарии тогда писали меню (а может быть, и сегодня пишут) русскими буквами, присовокупляя к существительным эту самую гласную. Но там, в краю Золотого руна, она ничего не прибавляет к эмоциям собеседников, а вот у нас...

Повторим вслед за Валерием Смирновым: "А'погода!", "А как вам это нравится?". С этих примеров начинается его "Большой полуТОЛКОВЫЙ словарь одесского языка", недавно увидевший свет в издательстве "Друк". До этого автор выпустил такой же, но "малый" (сравните 275 и 485 страниц соответствующих форматов) и, можно полагать, что вскоре появится "ну очень большой".

"А", — уверен Смирнов, — первая буква алфавита, которая в Одессе нередко становится последней". А что же "Я"? Зная Валерия много лет, написал, даже не заглядывая на соответствующую страницу: "Я — последняя буква алфавита, которая в Одессе часто становится первой". И не ошибся! Далее следуют примеры:

Я вас прошу!

Я вам покажу!

Я их сделаю!

Я имел всех в виду!

Я имею для вас в запасе еще пару теплых слов!

Пожалуй, последнюю инвективу стоило бы вынести в заголовок этих заметок. Вся творческая жизнь автора словаря — тому подтверждение. Перу Смирнова принадлежат многие рассказы, повести, романы и даже наставления по ловле рыбы. Именно через "И": в Одессе по-русски и по-украински слово "РИБА" пишется по-разному, но произносится одинаково, что сблизает.

Выход в свет Большого словаря, на мой взгляд, удивительно своевременное событие. Носителей настоящего одесского языка, людей разных

национальностей, конфессий и профессий, становится все меньше, и вскоре, увы, совсем не будет по причинам, заслуживающим более детального и серьезного разговора. Через десять-двадцать лет вам уже никто не скажет в трамвае: "Бикицер!" (в смысле — поторопитесь на выход), не спросит сочувственно: "Вус трапылось?" (Так что же случилось?), не пожалуется на то, что на его сына "гэц напал" (вожжа под хвост попала!). Я уже не говорю за "кадухес на живот" (увы, неизбежный конец земного пути)...

Разумеется, есть в словаре выражения и позабористее, и покруче — он ведь отражает реальную жизнь. Не со всеми трактовками я, одессит в пятом поколении, могу согласиться, но готов к дружеской полемике с автором. Что же до семейного чтения, то оно в данном случае представляется нецелесообразным. Рекомендую разместить это ценное пособие на заветной полке, где хранятся томики русских пословиц и поговорок, народных сказок в переложении Афанасьева (академические издания), Апулея, раннего Пушкина, зрелого Баркова...

Но каков же он, этот самый одесский язык, что отличает его от прочих? По мнению Валерия Смирнова, "Самый демократичный и легкий для изучения язык из всех существующих. Здесь пишется, как говорится, а говорится, как хочется".

Что к этому прибавить? Разве что произнести: "О!". И это станет (по Смирнову) "наиболее сильным комментарием к какому-либо действию или проявлению чувств".

Феликс КОХРИХТ

"Дельфинчики" Карышковского

Поступок с большой буквы совершил одесский издатель Александр Фридман — с его подачи увидела свет обширная монография выдающегося историка античности, профессора ОГУ Петра Осиповича Карышковского "Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н. э. — IV в. н. э.)". Пятнадцать лет назад ушел из жизни ее автор — блистательный исследователь, талантливый педагог, уникальный человек, без которого и в самом деле опустела и оскудела земля. За это время благородные друзья и ученики издали все неопубликованные труды Петра Осиповича, и только вот этот наиболее полный корпус исследований по нумизматике античной Ольвии оставался рукописью, поскольку его масштабность требовала поистине огромных материальных и гуманитарных ресурсов. И все же дело сделано.

Объем издания — 684 страницы, более половины которых представляют собой таблицы, карты, зарисовки. Монетное обращение репрезентуют все типы металлических денежных знаков — от так называемых "дельфинчиков" (бронзовая монета в форме дельфина) и "асов" (крупная денежная единица) до позднеримских кругляшей, девальвировавших и неряшливо исполненных. Аверсы стародавних денег дают отменное представление о духовной жизни, быте и культах древней Ольвии: Горгона-Медуза, Афина и Деметра — на бронзовых "асах", Геракл, натягивающий тетиву лука, — на серебряных "статерах", особо почитавшийся в Северном Причерноморье Аполлон Дельфиний, бородатый и рогатый бог Днепра — Борисфен... Реверсы сохранили имена местных архонтов, руководителей городского самоуправления, здесь же — скифское оружие: лук в чехле и секира, наиболее часто — ольвийский герб: орел, терзающий дельфина.

Таким образом, монеты позволяют постранично прочесть городские хроники двухтысячелетней давности. Значимость монографии как одного из опорных первоисточников по античной истории нашего края трудно переоценить. Ее издание — событие не только для Одессы, Украины и СНГ, но и для всего ученого мира, с чем я нас и поздравляю. Книга вышла весьма ограниченным тиражом, причем большая часть заказана зарубежными специалистами. Во всяком случае, любой горожанин имеет возможность ознакомиться с ней в научных библиотеках. Еще раз хочу поклониться издателю А.С. Фридману, почтившему память нашего славного земляка, мемориальная доска которому установлена на доме, где он жил, и именем которого названа одна из одесских улиц.

Олег ГУБАРЬ

Улыбнуться удаче...

Не от хорошей нашей жизни это случилось, но сегодня Семен Ильич Вайнблат единственный в Одессе переводчик с идиша на русский язык. И

